

И. И. КУРИЛЛА

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЕМИНАР В ВОЛГОГРАДЕ

В статье содержится обзор заседаний Волгоградского исторического семинара, посвященного проблемам взаимодействия исторической науки и общества. Автор считает подобные инициативы важными как для исторического сообщества в целом, так и для активизации гуманитарной науки в регионах.

Ключевые слова: методология, историческая наука, история в регионах, история и общество, историческая политика.

Одна из тревожных характеристик сегодняшнего состояния отечественного исторического сообщества – разрыв связи между профессиональными историками и обществом. Широкие массы россиян черпают исторические представления не из трудов или выступлений профессионалов, а из публицистики, печатной, «интернетной» и телеэкранный; к авторам школьных учебников предъявляются претензии, демонстрирующие непонимание сути истории представителями общества и государства, берущимися рассуждать об этой проблеме, в политическом обиходе появилось словосочетание «фальсификация истории». Другой стороной той же проблемы является все менее очевидная граница нашего профессионального цеха. «Самодельные историки» заполняют медиа-пространство и претендуют на включение в круг профессионалов. Вопросы экспертизы качества диссертаций, учебников истории, конкурсных научных проектов и даже научных трудов все больше «прибирает к рукам» государство. И пусть количество вызывающих сомнение научного сообщества защит диссертаций по истории меньше, чем по некоторым другим общественным наукам, но и здесь есть почва для сомнений по поводу некоторых чиновных соискателей ученых степеней.

Историческое сообщество, однако, существует не для себя самого. История есть форма самопознания и самоопределения общества, а историки – профессионалы этого самопознания. Исследования ученых составляют лишь часть большой картины исторического сознания. Не менее важна историческая память общества, которая сохраняется и передается с помощью различных социокультурных механизмов. Собственно, историческую науку можно считать одним из таких механизмов, влияющим на историческое сознание общества, но, в свою очередь, получающим импульсы со стороны вненаучных факторов.

Историческое познание представляет собой диалог, одной из сторон которого является прошлое, представленное источниками, а другой – настоящее, ставящее перед источниками вопросы. Именно из-за изменяющегося «сегодня» каждое поколение «переписывает историю», но, вопреки обыденным представлениям, это совершенно нормальный и плодотворный процесс, ведущий к улучшению нашего понимания и прошлого, и настоящего. Историки – это профессионалы такого диалога, «переводчики» вопросов и ответов, умеющие свести к минимуму искажения при передаче смыслов.

При этом разные политические силы используют историю в целях укрепления собственных позиций, черпая из нее ресурсы для формирования собственной идентичности и изменения идентичности сообщества, внутри которого они существуют. В борьбе за изменение идентичности политического сообщества в значительной степени и заключается политический процесс. Таким образом, наряду с профессионалами в поле исторических интерпретаций всегда присутствует большое число групп и лиц, заинтересованных в получении заданных ответов, или хотя бы в ограничении круга задаваемых прошлому вопросов.

Наконец, историческое сознание живет и на «неполитическом» уровне общества; память передается в семьях и неформальном общении, вплетается в ткань литературных произведений и кинофильмов, утверждает себя в планировке городов и топонимике. «Отшумевшие» споры оседают в историческом сознании в виде «мест памяти» (Пьер Нора), по поводу которых нация больше (или пока еще) не испытывает разногласий, но использует их в качестве «строительного материала» для интерпретации позднейших событий.

Конечно же, все эти уровни исторического сознания пересекаются и взаимодействуют. И, как профессионалы, историки не могут уходить в «башню из слоновой кости»; тем более, таких башен в нашем мире не осталось. «Специалистам по прошлому» остро необходим анализ своего места в современности. Нельзя согласиться с мнением С. Экштута, будто историки могут исследовать, «как и в чьих интересах происходило подавление исторической памяти в прошлом», но не должны анализировать эту проблематику в современном мире, оставляя ее «политологам, культурологам, экономистам и юристам»¹. Сознание ограничений собственной деятельности – важный этап становления профессии.

Подобный анализ идет в профессиональных кругах. Статьи, которые можно счесть частью этой работы, публиковались в научных жур-

¹ Экштут. 2003. С. 94-95.

налах, в том числе и в «Диалоге со временем», некоторые входящие в эту проблематику вопросы рассматривались в работах Л.П. Репиной, Н.Е. Копосова, А.И. Миллера, не ослабевает профессиональная рефлексия в публикациях под редакцией Г.А. Бордюгова². Стоит отметить, что схожие проблемы поднимают ученые-историки и в других странах мира, хотя нам сложно судить об их остроте в регионах, не претерпевших радикальных социальных потрясений в недавнем прошлом³.

В Волгограде с 2007 года также регулярно проходят научные семинары, целью которых является поиск ответа на вопросы, возникающие на пересечении исторической памяти, истории и политики – там, где общество задает вопросы, историки на них отвечают, а государство (иногда) пытается регулировать этот диалог. Преподаватели общественных и гуманитарных наук из Волгограда и других городов страны встречаются на один день за круглым столом, чтобы обсудить какой-либо аспект этой темы. В обсуждении традиционно принимают участие не только историки, но также философы, политологи, юристы; не только профессора, но и студенты, и школьные учителя. Эта разноголосица, на наш взгляд, очень уместна при обсуждении тем, затрагивающих интересы общества, власти и исторической науки. Материалы обсуждения с дополнениями публикуются в серии «Волгоградский исторический семинар».

Организаторы семинара видят в своих усилиях и еще один смысл. Всеобщая централизация, набирающая обороты в последние десятилетия, захватила и историческую науку. Историки, работающие в региональных университетах, постепенно теряют связь как с «передовой линией» собственного исследовательского поля, так и с обществом, в котором они живут⁴. Семинар призван оживить дискуссии о месте исторической науки в обществе, предоставляя слово ученым, работающим вдали от центров отечественной исторической мысли.

Первой рассмотренной проблемой стало изменение роли исторической науки в Восточной Европе после краха коммунистических режимов. С одной стороны, в 1990-2000-е годы историки региона впервые столкнулись с давлением глобализирующейся экономики, стремящейся снизить издержки на перевод и адаптацию товаров, услуг и трудовых навыков работников, и потому редуцирующей культурное разнообразие, включая снижение ценности национальных историй. С другой сто-

² См., например: Корзун, Рыженко. 2011; Володихин. 2012; Ретина. 2011 (особенно главы 10 и 11); Копосов. 2011; Историческая политика...; Научное общество историков России...; Исторические исследования в России...; и др.

³ См., например: Appleby, Hunt, Jacob. 1994; Foner. 2002; MacMillan. 2008.

⁴ Подробнее см.: Курилла. 2010.

роны, новые национальные государства предприняли в этот период энергичные усилия по использованию истории в качестве инструмента формирования новых идентичностей. Эти процессы наложились на методологический кризис исторической науки в регионе, связанный с отказом от марксизма. Так исторический конструктивизм стал популярной методологией исторических исследований, и одновременно – прикладным инструментом в руках политиков. И именно методология исторического конструктивизма стала одной из центральных тем первого семинара, состоявшегося в Волгограде 12 декабря 2007 года при поддержке проекта компаративной истории Центральноевропейского университета (Будапешт, Венгрия)⁵.

Методологическая рефлексия, как часто случается, привлекла интерес не только историков, но также философов и политологов. В ходе семинара возникла полемика о возможностях и ограничениях конструктивистской парадигмы. Так, О.Ю. Малинова проследила судьбу ключевого для этой методологии понятия «идентичность» в публичном и научном дискурсе и предположила, что оно нуждается в переосмыслении, но не потеряло своей ценности в качестве инструмента исследования общества. А.А. Сергунин выступил с критикой применимости социального конструктивизма в исторических исследованиях, поскольку этот подход лишает историю как науку будущего. А.С. Макарычев проанализировал методологию М. Фуко, показав, как формируется «контрстория» и «биоистория» в терминах его концепции. И.И. Курилла попробовал описать основные нарративы отечественной истории, бытующие в российском обществе, а Н. Шахназарян показала, как конструируется история армян в Армении и в диаспоре, в школе и в семейных преданиях.

С.П. Рамазанов перевел разговор с конструктивизма на принципы исторического познания и их эволюцию в последние два века. По его мнению, принципы историзма, ценностного отношения, понимания, партийности, целостности, дополнительности, диалога на протяжении истории исторической науки сталкивались друг с другом, но в итоге происходило не взаимоуничтожение, а оптимизация этих принципов. Даже принцип партийности можно рассматривать как частный случай групповой аксиологической оценки, а дильтеевский принцип понимания стал частным случаем диалога.

В.А. Кутырев призвал историков «не стесняться быть традиционалистами», поскольку традиция есть иммунная система общества. Для историка, уверен автор, быть консерватором – профессиональный долг.

⁵ Материалы семинара см.: Судьба исторической науки... 2009.

Ему возразил А.Л. Стризое, защищая принцип развития, дополняющий, с его точки зрения, принцип историзма. В ходе семинара были обсуждены и некоторые другие новые методологии, от достаточно маргинальных для исторической науки синергетики и тектологии (С.В. Любичанковский) до набирающей влияние в философских, социологических и исторических исследованиях концепции исторической памяти (А.В. Дахин) и новаторских представлений о зарождении гражданского общества в работах Ю. Хабермаса (М.В. Рядинская).

На следующем семинаре, состоявшемся 11 апреля 2008 года, обсуждалось использование истории в региональной политике. Начиная с этого заседания, волгоградский исторический семинар работает (и публикует материалы) при поддержке Института Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона (Вашингтон)⁶.

Региональная идентичность конструируется еще более грубо, чем национально-государственная. Каждая республика, край или область Российской Федерации в течение двух десятилетий прилагает к решению этой задачи немалые усилия, что связано как с политической повесткой дня местных элит, так и с задачами патриотического воспитания, школьного преподавания и, наконец, развития туризма. Наиболее четко это «строительство» прослеживается на примере историй родного края.

В докладе В.А. Шнирельмана были рассмотрены многочисленные, иногда анекдотичные, варианты региональных версий истории, возводящих местную идентичность к далекому и героическому прошлому. Автор особенно выделил интенсификацию символического освоения пространства окраинных территорий России, наполнение его «символами русскости» в качестве составной части битв за интерпретацию истории вхождения этих земель в состав Российского государства.

Выступления остальных участников семинара были сосредоточены на конструировании истории южных регионов России. Так, Д.В. Сень обратился к острой проблеме использования исторических аргументов в межэтнических конфликтах на Кубани и предложил политикам и историческому сообществу воздержаться от историзации ситуации, отказаться «от проведения каких бы то ни было исторических аналогий» и тем самым «деактуализировать содержание прошлых отношений сторон». Об опасности политизации «этноисторических мифов» говорил в своем выступлении и В.М. Викторин. М.А. Рыблова проанализировала роль казачьей идентичности в формировании региональной идентичности Волгоградской области. Исследовательница считает, что сознательное

⁶ История края как поле конструирования... 2008.

подчеркивание особого социального статуса казачества с целью недопущения его самоопределения как этноса, объяснимое с точки зрения задач государства, ведет в то же время к воссозданию сословного деления, ушедшего, казалось бы, далеко в прошлое.

Тему казачества продолжил С.А. Кислицын, который рассмотрел проблему под углом зрения смены «красноказачьего» нарратива на «белоказачий», не имеющий, по его мнению, шансов на интеграцию в современное бессословное общество. А.А. Кусаинов и Е.В. Кусаинова обратили внимание на отсутствие в России феномена «исторических провинций», складывавшихся на протяжении веков; в нашей стране такие территориальные образования сознательно дробились, а сетка административно-территориального деления постоянно пересматривалась, что придает искусственность «опрокинутой в прошлое» истории любого региона, взятого в его сегодняшних границах. В докладе А.В. Цюрюмова была поставлена интересная проблема нарратива калмыков, народа, обретшего территорию в исторически недавнее время. История Калмыкии сегодня складывается из истории кочевого калмыцкого народа, преодолевшего тысячи километров в ходе кочевья из глубин Центральной Азии, и истории Нижней Волги, где он поселился в XVII веке.

Третий семинар, состоявшийся 21 апреля 2011 года, был посвящен функционированию памяти в современном российском обществе, а также «истории на площади»: роли памятников в сохранении или изменении исторической памяти сообщества⁷.

Самая очевидная роль памятников состоит в закреплении ценностей/интерпретаций, определенных обществом⁸. В стабильные времена, когда долго не меняются доминирующие интерпретации мира (дискурс гегемонии, если использовать терминологию Э. Лаклау и Ш. Муффа⁹), памятники становятся частью городского пейзажа, архитектурными приметами пространства. Если интерпретации не меняются в течение жизни нескольких поколений, то значительная часть памятников начинает играть роль напоминания о событиях и людях, актуальность которых больше не ощущается обществом. Это, вслед за П. Рикером, можно назвать «навязанной памятью»¹⁰, в которой доминирующая группа оп-

⁷ Память и памятники... 2012.

⁸ Наряду с памятниками способом закрепления точки зрения доминирующей политической силы являются санкционированные государством учебники истории, музейные экспозиции и принятие «мемориальных законов», устанавливающих «правильное» понимание истории.

⁹ Laclau, Mouffe. 1985.

¹⁰ См.: Рикер. 2004.

ределяет, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть. Но периодически в ткани исторической реальности случаются разрывы. Революционные эпохи меняют интерпретации и оценки. Что происходит в эти периоды с пространством символов? В зависимости от радикализма новых идей и новой элиты она либо сносит памятники и ставит свои (как вариант, восстанавливает памятники, снесенные в предыдущем цикле), либо устанавливает собственные памятники рядом со старыми.

В докладе И.И. Куриллы был обозначен разрыв между новой мемориальной идентичностью российской столицы и провинции: если большинство «советских» памятников в Москве были демонтированы, то в регионах страны они сохраняются. Это важный индикатор того, что вся память в России до сих пор оспаривается, и «места памяти» не означают бесспорных референтных точек, задающих историческую картину мира. Кроме того, автор считает нерешенным и вопрос о субъекте мемориализации: кто принимает решение об установке и сносе памятников – государство, общество, частные лица? Э.А. Паин обратился к теме исторической памяти как ресурса политических технологий, как главного атрибута символической политики в различных сферах, включая этническую. В качестве положительного примера использования этого ресурса для развития региона он привел Италию 1970-х годов.

А.И. Макаров глубоко проанализировал практику коммеморации в современном российском обществе и пришел к выводу о ее дисфункции, выраженной, в частности, в хаотичном изменении символического пространства городов в последние десятилетия. А.Ю. Клейтман показала, что память, в отличие от истории, «ориентирована не столько на сохранение, воспроизводство и актуальную оценку событий прошлого, сколько на поддержание конкретной идентичности здесь и сейчас». Однако, как мы видим, задачи истории в современном мире все теснее смыкаются с функциями памяти.

Несколько докладов было посвящено эмпирическим примерам коммеморации. Так, С.А. Простаков рассказал о «войнах памятников» в современной Украине, Н.Е. Абалмасова – о примерах сплочения локальных сообществ средствами «символического менеджмента», С.В. Мохов поделился результатами опроса московских студентов об их восприятии городских памятников. В сообщении А.В. Степновой содержался анализ деятельности нескольких последних мэров г. Волгограда по установке памятников.

Наконец, еще одним предметом обсуждения на семинаре стали альтернативные инструменты памяти: архитектурные памятники в со-

общении М.П. Назаровой, право (как мнемоническая техника) в докладе Ю.Ю. Ветютнева; создание «историй фабрик и заводов» как основа конструирования советской идентичности в 1920-1930-е гг. в тексте М.В. Кирсанова и А.Л. Клейтмана и мифология памяти в современном казачьем возрождении в работе О.В. Рвачевой.

Четвертый заседание семинара состоялось 26 апреля 2012 года и было посвящено школьным учебникам истории¹¹. Участники семинара обсудили проблемы, волнующие профессиональных историков, учителей, родителей. Кто должен решать, что именно будет содержать школьный учебник истории? Какова роль авторов, федеральных и региональных органов управления образованием, издательств, учителей в написании и отборе учебников? Насколько учебник истории должен формировать у школьника представление о господствующем в обществе «историческом нарративе», а насколько – объяснять ему основы исторической науки? Как определять усвоение школьником программы по истории? Как должен соотноситься единый учебник истории России с учебниками истории отдельных регионов страны? Что делать с неизбежными противоречиями? Наконец, насколько важен учебник в сегодняшнем мире, где потоки информации в СМИ и сети Интернет многократно превосходят объемы, заложенные в книгу? Все эти вопросы оказались в центре обсуждения участников.

Среди тем, которые могут стать основой последующих обсуждений, – «время праздников» (как и кто «придумывает» памятные даты и исторические праздники, почему одни из них приживаются, а другие – нет, что именно и каким образом празднуется в разных городах и регионах страны, как соотносятся празднования и поминовение, и пр.).

Изучение места исторической науки в современном мире приводит к выводу о падении ее роли в формировании исторического сознания общества. Часть причин лежит в изменениях окружающего мира, что требует от историков обновления методов взаимодействия с молодым поколением. Другая же группа причин связана в нашей стране с недостаточной самоорганизацией профессионального сообщества. Нам представляется, что многие проблемы в отношениях историков и общества коренятся в отсутствии авторитетной институции, способной «говорить от имени историков», или, чаще, «санкционировать» выступление историков, подтверждая их профессиональную репутацию.

Создание такой ассоциации может быть результатом решений «сверху», но более прочной она станет лишь в том случае, если будет

¹¹ Кто боится учебника истории?... 2012.

результатом кристаллизации профессиональных инициатив «снизу», связывающих научное сообщество во множество сетей. Волгоградский исторический семинар может стать одной из составляющих этого процесса. Однако это уже другая тема.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Appleby J., Hunt L., Jacob M.* Telling the Truth about History. New York, 1994.
- Foner E.* Who Owns History? Rethinking the Past in a Changing World. N.Y., 2002.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso, 1985.
- MacMillan M.* Dangerous Games: The Uses and Abuses of History. N.Y., 2008.
- Володихин Д.М.* «Тяжелое дело – писать легко...». Адресат высказываний современного российского историка // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 343-352.
- Историческая политика в XXI веке: Сборник статей / Науч.ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012.
- Исторические исследования в России – III: Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г. Бордюгова. М., 2011.
- История края как поле конструирования региональной идентичности / Под ред. И.И. Куриллы. (Волгоградский исторический семинар. Вып.1). Волгоград, 2008.
- Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011.
- Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 24-44.
- Кто боится учебника истории? (Волгоградский исторический семинар. Вып.4). Волгоград, 2012.
- Курилла И.И.* Историк в региональном вузе на перекрестке сообществ // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Вып. 1 Историческая наука в современной России. С. 40-46.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г. Бордюгова. М., 2011.
- Память и памятники / Под ред. И.И. Куриллы. (Волгоградский исторический семинар. Вып.3). Волгоград, 2012.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004.
- Судьба исторической науки в современной Восточной Европе / Под ред. И.И. Куриллы (Волгоградский исторический семинар. Вып.2). Волгоград, 2009.
- Экитут С.* Битвы за храм Мнемозины. СПб: Алетейя, 2003.
- Курилла Иван Иванович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Волгоградского государственного университета, kurilla@yandex.ru